

ЕВГЕНИЙ ПЛАВЕНКО

ФЕМИДА СТАЛА МЕНЕЕ ТЕРПИМА К ДОЛЖНИКАМ

БАНКРОТСТВО С ОТЯГОЩЕНИЕМ

ПОПРАВКИ В ЗАКОН О БАНКРОТСТВЕ, КАСАЮЩИЕСЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВЛАДЕЛЬЦЕВ И РУКОВОДИТЕЛЕЙ БИЗНЕСА, РАСШИРИЛИ КРУГ ЛИЦ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ПРИЗНАНЫ КОНТРОЛИРУЮЩИМИ ДОЛЖНИКА, И ПОВЫСИЛИ ШАНСЫ КРЕДИТОРОВ НА ВОЗВРАТ ДОЛГОВ. ТЕПЕРЬ РЕАЛЬНЫМ БЕНЕФИЦИАРАМ СЛОЖНЕЕ ИЗБЕЖАТЬ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, А НОМИНАЛЬНЫЕ ДИРЕКТОРА МОГУТ БЫТЬ ОТ НЕЕ ОСВОБОЖДЕНЫ, ЕСЛИ УКАЖУТ НА НАСТОЯЩЕГО ВЛАДЕЛЬЦА ИЛИ ПОМОГУТ НАЙТИ ЕГО ИМУЩЕСТВО. ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО КВАРТАЛА 2018 ГОДА ЧИСЛО ОБРАЩЕНИЙ ЗА ПРИВЛЕЧЕНИЕМ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ УЖЕ ВЫРОСЛО В 1,6 РАЗА ПО СРАВНЕНИЮ С АНАЛОГИЧНЫМ ПЕРИОДОМ 2017 ГОДА. АННА ЗАНИНА

В 2017 году вступили в силу изменения в закон о банкротстве, серьезно ужесточившие ответственность владельцев и руководителей бизнеса по долгам их компаний. Основные нововведения о субсидиарной ответственности были приняты в декабре 2016 года, а в июле 2017-го были утверждены еще одни поправки, которые выделяли в законе отдельную главу о контролирующих лицах и вводили ряд новелл. Главным итогом изменений стало закрепление на уровне закона возможности привлечь к ответственности не только руководителей и участников (акционеров) компании, но и ее реальных бенефициаров. Эффективная субсидиарная ответственность, по задумке разработавшего поправки Минэкономки, должна стать ключевым мотиватором к финансовому оздоровлению предприятий-должников. «Если владельцы бизнеса будут вынуждены гасить возникшие в результате их злоупотреблений задолженности должника как собственные, это может подтолкнуть их к поиску договоренностей с кредиторами и к согласительным процедурам, а не к попыткам вывести активы», — рассказывал „Ъ“ источник, близкий к разработчику поправок.

Согласно статистике, реабилитационные процедуры в отношении российских должников почти не применяются, а число банкротств продолжает расти. По данным Федресурса, в 2017 году банкротами было признано 13 577 юрлиц — на 7,7% больше, чем в 2016 году. При этом доля удовлетворенных требований кредиторов по завершенным делам снизилась: в 2016 году она составила 6% при средней сумме погашенных требований в 6 млн рублей против 5,5% и 4 млн в 2017 году.

Согласно последней формулировке закона, «контролирующим должника лицом» (КДЛ) является физическое или юридическое лицо, которое в течение трех лет до возникновения признаков банкротства (и до начала судебного процесса о несостоятельности) имело право «давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять его действия, в том числе по совершению сделок и определению их условий». К ним относятся и те, кто извлекал выгоду из незаконного или недобросовестного поведения

лиц, имеющих право выступать от имени должника.

В ряде случаев факт контроля лица над должником презюмируется, пока не доказано иное. Например, такая презумпция есть в силу должности — если лицо являлось руководителем должника или его управляющей организации, членом исполнительных органов управления, ликвидатором. Также КДЛ можно оказаться в силу полномочий — при наличии возможности распоряжаться, в том числе вместе с заинтересованными лицами, хотя бы 50% голосующих акций должника или более половины долей в ООО либо если у лица есть право назначать руководителя должника. КДЛ отвечают за убытки перед кредиторами и в случае, если банкротство инициировано должником при наличии возможности погасить долги (фиктивное банкротство) либо если должник не пытался оспорить необоснованные требования кредиторов.

При этом арбитражные суды вправе признать лицо КДЛ и по иным основаниям, если реальные бенефициары не подпадают под формальные условия. Нельзя признать контролирующим лицом лишь миноритария, который владеет менее 10% компании и получает обычный доход от своей собственности. Возможность судов признавать КДЛ по своему усмотрению, с одной стороны, получила поддержку юристов, с другой — вызвала опасения, что это может привести к необоснованно широкой трактовке контроля. Нельзя исключать, что хватит недоказуемых слухов о «реальном» владельце бизнеса, которого «на Рублевке каждая собака знает», высказывала опасения партнер коллегии адвокатов «Юков и партнеры» Светлана Тарнопольская.

Закон позволяет освободить от ответственности номинальных директоров и владельцев компании-банкрота, если они докажут, что не контролировали должника, и помогут найти реального бенефициара либо имущество (должника или КДЛ), за счет которого кредиторы могут удовлетворить свои требования. «Номинальные директора как раз активно способствуют причинению вреда кредиторам и государству, поскольку вводят в заблуждение как контрагентов компании, так и контролирующие органы. Освобождение от от-

ветственности, по сути, стимулирует их к ненадлежащему поведению», — указывал партнер коллегии адвокатов «Муранов, Черняков и партнеры» Максим Платонов. «Инициатива интересная, но гендиректор вполне может оказаться марионеткой без имущества, и неясно, чем, кроме его слов, будет доказан фактический контроль бизнеса и как он может помочь найти „скрытое имущество“», — замечала Светлана Тарнопольская.

Поправки установили длительные сроки для привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности и взыскания с них убытков. По общему правилу, срок исковой давности составляет три года с момента, как лицо (им может быть арбитражный управляющий, конкурсный кредитор, ФНС или работник должника, в том числе и бывший) узнало о наличии оснований для предъявления требования. Этот срок может быть восстановлен спустя два года после истечения, если суд признает причины его пропуска уважительными. Кроме того, закон позволяет предъявлять иски к КДЛ и после завершения банкротства (или после прекращения банкротного дела по причине отсутствия средств для финансирования процедуры).

В декабре 2017 года пленум Верховного суда РФ (ВС) дал разъяснения судам, как применять новые нормы, приняв постановление № 53. В нем подчеркивается, что привлечение КДЛ к субсидиарной ответственности «является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов». В постановлении пленума говорится, что само по себе участие в органах управления еще не свидетельствует о наличии такого статуса, для этого у лица должна быть возможность оказания «значительного влияния на принятие существенных деловых решений». К КДЛ пленум относит и лицо, под чьим влиянием заключена сделка, если она изменила «экономическую или юридическую судьбу должника».

Для определения того, является ли лицо контролирующим, суды должны проверить степень вовлеченности возможного КДЛ в управление и оценить его влияние на принятие решений, указал ВС. Контролирующее лицо может быть привлечено к ответственности и за бездействие, а избежать ответственности оно может, если

его действия «не выходили за пределы обычного делового риска» и «не были направлены на нарушение прав и интересов кредиторов». Бездействием может быть, например, неисполнение руководителем компании обязанности подать в суд заявление о ее банкротстве в месячный срок, как предписывает закон.

Лицо предполагается КДЛ, если оно извлекло выгоду из незаконного поведения руководителя должника. По мнению ВС, это может быть лицо, извлечшее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. При недоказанности оснований привлечения к субсидиарной ответственности ВС разрешил судам самим квалифицировать требования к КДЛ как убытки.

По мнению партнера адвокатского бюро ЕПАМ Валерия Еременко, документ ВС содержит ряд оценочных понятий, многое отдается на усмотрение судов, что может привести к формированию противоречивой практики. «Например, ни закон, ни разъяснения ВС не позволяют выявить объективный критерий для определения существенности актива, вреда или прибыли, хотя эти показатели играют ключевую роль», — указывал он. Партнер АБ «Линия права» Владислав Ганжала отмечал, что постановление пленума облегчает жизнь управляющему и кредиторам, которым будет достаточно представить косвенные доказательства, а основное бремя доказывания и опровержения презумпций своей вины ложится на КДЛ.

Эти изменения в банкротном законодательстве уже привели к росту подобных обращений в суды. В первом квартале 2018 года число поданных заявлений о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности выросло до 1170, что в 1,6 раза больше, чем в аналогичном периоде 2017-го, при этом доля удовлетворенных судами заявлений увеличилась до 24% против 21%, подсчитал Федресурс. По словам руководителя Федресурса Алексея Юхнина, исходя из количества банкротств компаний и числа требований к КДЛ риск привлечения к субсидиарной ответственности сейчас составляет 30%. ■